

Вопросы *Литературы*

9-й год издания

Ежемесячный журнал

ОРГАН
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР
И ИНСТИТУТА
МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИМЕНИ А. М. ГОРЬКОГО
АКАДЕМИИ НАУК СССР

5

М А Й

МОСКВА

1965

Д. ЛИХАЧЕВ

В чем суть различий между древней и новой русской литературой

Я хочу поделиться с читателями некоторыми моими размышлениями о различиях, сходстве и связях между древней и новой русской литературой. Непосредственным поводом для этих размышлений послужила первая глава книги Б. Бурсова «Национальное своеобразие русской литературы» («Советский писатель», М.—Л. 1964), в которой приводятся многочисленные высказывания на эту тему крупнейших писателей и критиков XIX века. Мне не кажется это необходимым. Можно поразмыслить над самим материалом русской литературы, не прибегая к помощи высказываний писателей и критиков. Представления о древнерусской литературе еще в середине XIX века были крайне неполными. Многие лучшие произведения древнерусской литературы не были еще известны в середине XIX века. Только в 1852 году была открыта «Задонщина», затем открыли замечательную «Повесть о Горе-Злочастии». В конце XIX века открыли «Слово о погибели Русской земли». Не сразу получило известность знаменитое «Житие» протопопа Аввакума. Открытия происходили одно за другим, но в нынешнем составе своих лучших произведений древнерусская литература начала четко определяться только к концу века. Целые области древнерусской литературы не обращали на себя должного внимания в ту пору. Так, не была известна демократи-

ческая литература XVII века, демократическая сатира. Крайне недостаточны были представления о древнерусском стихотворстве. Литература смешивалась с фольклором. Даже Белинский, говоря о древнерусской литературе, нередко имеет в виду фольклор, и в частности сборник Кирши Данилова. Это сказалось и в тех его высказываниях, которые приводит в своей книге Б. Бурсов.

Итак, краткие упоминания о древнерусском искусстве, почти вовсе не известном в XIX веке¹, и древнерусской литературе, известной в это время далеко не полно, отражают не столько многогранные аспекты древнерусской культуры и реальное положение вещей в Древней Руси, сколько борьбу мировоззрений, идеологий, историософских систем XIX века и представляют ценность главным образом именно с этой стороны. Они уточняют наши представления об общественной мысли XIX века, но очень мало дают для уяснения вопроса о различиях и связях между древней и новой русской литературой, хотя тонкие и верные наблюдения наших великих критиков над отдельными памятниками древнерусской литературы и представляют иногда сами по себе очень большой интерес.

К сожалению, мнения, сложившиеся в XIX веке, продолжают по инерции бытовать и в настоящее время. Нужно попытаться взглянуть на этот вопрос заново, не боясь отступить от сложившихся взглядов, представлений и предрассудков. Материал для этого в нашей науке накоплен огромный.

ЧТО ТАКОЕ ЕВРОПЕИЗАЦИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVIII ВЕКА?

Принято говорить о европеизации русской литературы в XVIII веке. В каком смысле древнерусская литература может рассматриваться как «неевропейская»? Обычно имеют в виду два якобы присущих ей свойства: отъединенность, замкнутость ее развития и ее промежуточное положение между Востоком и Западом.

Действительно ли древнерусская литература развивалась изолированно?

Древнерусская литература не только не была изолирована от литератур соседних — западных и южных — стран, в частности от

¹ Фрески Древней Руси не были известны: они были записаны, забелены, заштукатурены. Иконы не расчищались, этого еще не умели делать. Незабеленными остались фрески Нередицы и Ферапонтова монастыря, но они не пользовались известностью и не изучались искусствоведами. Под окладом, грубо переписанная, находилась и знаменитая «Троица» Андрея Рублева. Закованными в металлические оклады и затворенными в непроницаемые киоты находились и такие шедевры живописи, как Донская, Владимирская. Древнерусская живопись содержалась в заключении. Поэтому иконопись не была оценена эстетически. Художественная ценность икон была открыта только в начале XX века, главным образом усилиями И. Грабаря и наших замечательных собирателей начала XX века И. Остроухова, С. Морозова и др.

той же Византии, но в пределах до XVI века мы можем говорить о совершенно обратном — об отсутствии в ней строго определенных, четких национальных границ. Эти границы были куда менее резкими, чем в XVII, XVIII и последующих веках. Литературы южных и восточных славян только постепенно входят в национальные границы соответственно постепенному же образованию славянских наций. Мы можем с полным основанием говорить об общности развития литератур восточных и южных славян, об общности смен стиля (например, об одновременном появлении «плетения словес»), о переходах памятников из одной литературы в другую, о частых переездах из страны в страну (Константин Костенческий, Григорий Цамблак, Киприан, Пахомий Серб и многие другие). Причем замечательно, что писатели эти, переезжая из Болгарии в Сербию, из Сербии в Россию и пр., в основном не меняли своего литературного языка. Существовал целый слой единой литературы, единой письменности и единый литературный (церковнославянский) язык¹ у восточных славян (русских, украинцев и белорусов), у болгар, у сербов и у румын. Основной фонд наиболее крупных и наиболее «официальных» церковно-литературных памятников был общим. Богослужебная, проповедническая, церковно-назидательная, агиографическая, отчасти всемирно-историческая (хронографическая), отчасти повествовательная литература была единой для всего православного юга и востока Европы. Здесь были и памятники, переведенные у славян и оригинально созданные ими. Общими были такие огромные памятники литературы, как прологи, минеи, торжественники, триоди, отчасти хроники, палеи разных типов, «Александрия», «Повесть о Варлааме и Иосафе», «Повесть об Акире Премудром», «Пчела», космографии, физиологи, шестодневны, апокрифы, отдельные жития и пр. и пр.² Наряду с этими памятниками существовали и памятники национального значения, не выходявшие за пределы той страны, в которой они были созданы. Эти национальные памятники, связанные с национальной историей и национальной действительностью, имели огромное значение для развития литературы (например, «Слово о полку Игореве», «Слово о погибели Русской

¹ С моей точки зрения, в каждой из южно- и восточнославянских стран существовало два литературных языка. Один язык, в основе своей церковнославянский, подвергался в каждой стране влиянию национального языка. Этот литературный язык был в основном един для всех стран южно- и восточнославянской общности. Другой литературный язык, в основе своей национальный, но подвергавшийся влиянию церковнославянского. В России на русском литературном языке написаны договоры с греками, «Русская Правда», «Слово о полку Игореве», новгородские летописи и пр. (язык этот прекрасно описан С. П. Обнорским). На церковнославянском языке написаны произведения Илариона, Кирилла Туровского, Епифания Премудрого и др. (этим языком занимаются мало). Один и тот же писатель по соображениям литературного этикета мог пользоваться то тем, то другим языком (например, Владимир Мономах).

² Об общности развития и взаимовлияниях литератур восточных и южных славян писали: М. Сперанский («Из истории русско-славянских литературных связей», Учпедгиз, М. 1960); Н. Гудзий («Литература Киевской Руси и древней-

земли», повести о татарском нашествии, летописи и т. д.). Они имели наиболее прогрессивное значение в истории общественной мысли и истории культуры, но самое существование их не отрицает необходимости считаться с гигантским слоем общих для всех южных и восточных славян памятников.

Больше того, общность литературы существовала не только между восточными и южными славянами, но для древнейшего периода она захватывала и западных славян (чехов и словаков; в отношении Польши — вопрос спорный)¹. Наконец, сама эта общая для православных славян и румын литература не была обособлена в европейском мире. И речь здесь может идти не только о Византии...

Рассказывают об одном видном итальянском искусствоведе, который, не так давно посетив Третьяковскую галерею и рассматривая творения Рублева и Дионисия, воскликнул: «Вот где наше родство с вами!» И не случайно, что многие лучшие русские иконы XIV—XV веков принимались за произведения сиенских и умбрийских школ древнейшего периода.

Занятия в рукописных собраниях Болгарии и Югославии привели меня к убеждению, что основной состав памятников в рукописях XI—XVI веков был знаком и русскому читателю. Памятники местного значения в южнославянских странах очень незначительны по количеству. Гораздо больше памятников местного значения за те же века в России. Россия с самого начала создала огромную литературу по русской истории, светскую по своему характеру, выдающуюся по своему литературному значению², и эта литература не передалась по большей части южным славянским народам. Она интересовала только русских, украинцев и белорусов.

Вполне может быть создана единая история литератур южных и восточных славян в пределах до XVI века. И эта единая история литературы не представит собой механического, летописного соединения в хронологическом порядке разнородного материала, различных национальных литератур, а сможет быть понята и написана как единое целое.

шие инославянские литературы» — «Исследования по славянскому литературоведению и фольклористике. Доклады советских ученых на IV Международном съезде славистов», Изд. АН СССР, М. 1960); Д. Лихачев («Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России» — «Исследования по славянскому литературоведению и фольклористике»); В. Мошин («О периодизации русско-южнославянских литературных связей X—XV вв.» — «Труды отдела древнерусской литературы», т. XIX, Изд. АН СССР, М.—Л. 1963); R. P i c c h i o, *Storia della letteratura russa antica*, Milano, 1959.

¹ Обобщающих больших работ на эту тему нет. См. литературу вопроса в упомянутой в предшествующей сноске статье В. Мошина.

² Прекрасную характеристику отличий русской литературы Киевского периода от других славянских литератур см. в докладе Н. Гудзия на IV Международном съезде славистов «Литература Киевской Руси и древнейшие инославянские литературы».

Но, может быть, отъединенность и замкнутость русской литературы XI—XVI веков следует понимать в том смысле, что русская литература только пассивно получала от соседних народов их литературные памятники, сама ничего им не передавая? Многие так и думают, но это положение также совершенно не соответствует действительности. Сейчас можно говорить об огромном «вывозе» из Киевской Руси и из Руси Московской созданных там памятников и рукописей. Сочинения Кирилла Туровского распространялись в рукописях по всему юго-востоку Европы наряду с святоотечественной литературой. В России был создан огромный Пролог, списки которого исчисляются многими сотнями и который можно рассматривать как одну из самых распространенных книг, вернее, как одно из самых распространенных *собраний* книг, так как он охватывает сотни памятников, не вмещающихся в одном даже большом томе. Созданный в России, русский хронограф послужил основой для возникновения собственной исторической литературы у южных славян. На Балканах были распространены жития русских святых, службы им и различные другие сочинения. Отдельные русские произведения повлияли на произведения, созданные у южных славян. Уже давно отмечено, например, влияние такого русского памятника XI века, как Слово «О законе и благодати».

Наконец, как это сейчас выясняется, изощренный стиль «плетения словес», распространившийся на Балканах в XIV и XV веках, возник и развивался под русским воздействием и именно в России достиг своего наивысшего цветения¹.

Характерно следующее: воздействие русской литературы в странах Юго-восточной Европы не прекращается в XVIII и начале XIX века, но это было воздействие по преимуществу древнерусской литературы, а не создававшейся в России новой. В Болгарии, Сербии и Румынии продолжается воздействие древнерусских памятников уже после того, как в самой России развитие традиций древнерусской литературы прекратилось. Последним писателем, который имел огромное значение для всей православной Восточной и Южной Европы, был Дмитрий Ростовский². Далее ощущается только небольшая струя влияний светской русской литературы XVIII века — главным образом школьного театра и некоторых произведений религиозного характера. Вывозится из России и литература антиеретическая. Обо всем этом свидетельствуют рукописи. Их показания непреложны.

Если говорить о европейских связях русской литературы в их историческом развитии, то нужно сказать следующее. Европеизм русской литературы, чрезвычайно высокий при самом зарождении

¹ М. Мулић, Srpsko «pletenje sloves» do 14 stolića, Zagreb, 1963.

² Отмечу, что типологическое сходство восточнославянских и южнославянских литератур сохраняется и дальше (см. А. Робинсон, Историография славянского Возрождения и Паисий Хилендарский. Вопросы лит.-ист. типологии, Изд. АН СССР, М. 1963).

русской литературы (когда она составляла некое единство с литературами стран православной Европы, объединяясь с большинством этих литератур по литературному языку и составу памятников, значительное количество которых было создано в России), затем постепенно падает. Происходит возрастание количества памятников местного значения, связанных с местными темами и насущными заботами своей страны и своего времени. В XVII веке говорить об общности и единстве литератур православной Европы уже не приходится. Литература XVIII века почти целиком сосредоточивается в национальных границах. Воздействие русской литературы XVIII века на европейскую литературу несравнимо с воздействием древнерусской литературы, которая и в XVIII и в XIX веке продолжает оказывать влияния и экспортироваться на всем пространстве Юго-восточной Европы от Москвы и до побережья Адриатики. Книгами московской печати снабжал сербские монастыри Вук Караджич. Книги московской печати XVII и XVIII веков в изобилии представлены на родине славянского книгопечатания — на Далматинском побережье — еще в XIX веке.

Подобно тому как византологи говорят о «Византии после Византии» (имея в виду византийские традиции, их живучесть в соседних странах после падения Византии), так можно говорить о «древнерусской литературе после древнерусской литературы» (имея в виду древнерусские традиции в южнославянских странах).

Отъединенность древнерусской литературы — миф XIX века. Правда, можно при этом обратить внимание на то, что древнерусская литература была тесно связана с православием и ее связи с литературами Византии, Болгарии, Сербии и Румынии, а в более древний период с западными славянами объяснялись главным образом связями вероисповедными. Да, это одно из объяснений, но нельзя говорить только о связях в пределах религиозной литературы, так как эти связи заметны и в хронографии, и в традициях эллинистического романа, в Троянских сказаниях, Александрии, в литературе «естественнонаучной» и т. д. и т. п. Но к вопросу о религиозном характере древнерусской литературы мы еще вернемся.

Теперь обратимся к другой стороне вопроса «европеизации» русской литературы в XVIII веке: к предполагаемому положению древнерусской литературы между Востоком и Западом.

Это — другой миф. Он возник под гипнозом географического положения России между Азией и Европой. Я не касаюсь сейчас вопросов политического развития России под влиянием Востока и Запада. Отмечу только, что преувеличенные представления о значении географического положения России, о роли в ней «восточных», и в частности «туранских», элементов разочаровали даже своих наиболее последовательных приверженцев — евразийцев. Последние евразийцы, доживающие сейчас свой век в эмиграции, по существу отошли уже от своих представлений 30-х годов. Евразийские представления умеренно сказываются даже в «Истории

России» Г. Вернадского и М. Карповича¹. Не обнаружены сколько-нибудь заметные влияния азиатских стран в русском изобразительном искусстве и в архитектуре. Рассыпались представления об азиатском характере архитектуры Василия Блаженного, о чем так настойчиво писал в свое время Виолле ле Дюк. Отмечу как курьез попытки связать некоторые черты сходства архитектуры русской и арабской с влиянием последней на первую. Западные искусствоведы и популяризаторы русского искусства, отмечавшие это, не учли, что русская архитектура имела эти «сходные» черты еще до появления арабской архитектуры, сходство же объясняется тем, что арабская архитектура основана на традициях византийской, повлиявшей и на Русь². Некоторые следы восточных орнаментов на Руси XVI—XVII веков слишком незначительны, чтобы говорить о положении русского искусства между Востоком и Западом.

Вернемся к древнерусской литературе. Здесь прежде всего обращает на себя внимание полное отсутствие переводов с азиатских языков. Только об одном произведении — «Повести об Акире Премудром» могут быть сомнения: не переведена ли она с сирийского? Древняя Русь знала переводы с греческого, с латинского, с древнееврейского языков, знала произведения, созданные в Болгарии и Сербии, знала переводы с чешского, немецкого, польского, но не знала ни одного перевода с турецкого, татарского, с языков Средней Азии или Кавказа. Устным путем проникли к нам два-три сюжета с татарского и с Кавказа («Повесть о царице Динаре», «Повесть о разуме человеческом»). Следы половецкого эпоса обнаружены в летописях Киева и Галицко-Волынской Руси, но следы эти крайне незначительны, особенно если принять во внимание интенсивность политических и династических связей русских князей с половцами.

Как это ни странно, восточные сюжеты проникали к нам через западные границы Древней Руси, от европейских народов. Этим путем пришла к нам, например, и индийская «Повесть о Варлааме и Иосафе», и другой индийский по происхождению памятник — «Стефанит и Ихниллат», известный в арабском варианте под названием «Калила и Димна».

Отсутствие связей с Азией является поражающей особенностью древнерусской литературы. Смее утверждать, что среди всех остальных европейских литератур древнерусская литература имеет наименьшие связи с Востоком. Их значительно меньше, чем связей с Востоком в Испании, Италии, Франции и, разумеется, Греции, чем у южных и западных славян.

Это, несомненно, находится в связи с особой сопротивляемостью культуры Древней Руси по отношению к Азии. Обращу вни-

¹ «A History of Russia. By G. Vernadsky and M. Karpovich», New Haven, 1948, v. I—IV.

² Отмечу ошибочную тенденцию некоторых американских ученых рассматривать Византию, вслед за П. Чаадаевым и П. Милюковым, как азиатскую страну. Византия и географически и культурно принадлежала Европе.

мание на следующий факт. В отличие от других стран Восточной и Южной Европы в России не было «потурченцев», «помаков» — целых групп или районов населения, перешедших в магометанство. До сих пор в Болгарии, в Македонии, в Сербии, в Боснии, в Хорватии есть местности, населенные магометанами из славян. В этих странах сохранились памятники славянской письменности на арабском алфавите. В России, напротив, не известно ни одной русской рукописи, написанной восточным шрифтом. В магометанство переходили только отдельные пленники за пределами страны, но случаев перехода в магометанство целых селений или целых районов страны Россия, единственная из славянских стран, несмотря на существование татаро-монгольского ига в течение двух с половиной веков, не знала. Могут быть разные исторические объяснения этого явления. Для нас в данном случае важен самый факт отсутствия случаев массового перехода в магометанство.

Отсюда ясно, что говорить о положении древнерусской литературы «между Востоком и Западом» совершенно невозможно. Это значит подменять географическими представлениями отсутствие точных знаний по древнерусской литературе. Можно говорить лишь о положении древнерусской литературы как крайнего и наиболее твердого пункта сопротивления азиатскому влиянию на востоке Европы.

Восточные темы, мотивы и сюжеты появляются в русской литературе только в XVIII веке. Они обильнее и глубже, чем за все семь веков предшествующего развития русской литературы.

Из сказанного ясно: ни о какой «европеизации» русской литературы XVIII века *в общем плане* говорить нельзя. Можно говорить о другом: о том, что европейская ориентация русской литературы переместилась с одних стран на другие. Литература XI—XVI веков была органически связана с такими европейскими странами, как Византия, как Болгария, Сербия и Румыния. С XVI века она связана с Польшей, Чехией, также и с Сербией и другими странами Центральной Европы. Эти новые связи чрезвычайно возрастают в XVII веке. В XVIII веке ориентировка меняется — наступает полоса влияний Франции и Германии, а через них по преимуществу и других западноевропейских стран. Можно ли видеть в этом волю Петра? Нет. Петр ориентировал русскую культуру на те западноевропейские страны, с которыми Россия установила связи уже ранее, в XVII, отчасти еще в XVI веке, — на Голландию и Англию. Влияние Франции в области литературы установилось после Петра, вне намерений Петра. Но ни голландская, ни английская литературы в эпоху Петра не привлекли внимания русских писателей.

С новыми странами на первых порах не установилось тех равноправных отношений, которые были в Древней Руси с другими восточнославянскими странами и со странами Юго-восточной Европы.

Новые связи были чрезвычайно важны, они предопределили

мировые связи русской литературы XIX и XX веков. Почему и как — это вопрос очень сложный, которого я не могу сейчас касаться. Но факт тот, что в XVIII веке эти связи неожиданно и вопреки длительной традиции приобрели односторонний характер: мы на первых порах больше стали получать, чем давать другим. И для развития русской литературы, для завоевания новых позиций в мировой культуре это было явление в высшей степени прогрессивное.

РЕЛИГИОЗНЫЙ ХАРАКТЕР ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Перехожу к следующему отличию древнерусской литературы от литературы XVIII века — к ее преимущественно религиозному характеру.

Да, несомненно, сравнительно с литературой XVIII века древнерусская литература носила религиозный характер. Этот религиозный характер ее выражен резко и определенно. Этим утверждением мы словно объединяем всю русскую литературу за все первые семь веков ее существования. Однако, если рассматривать этот вопрос детально, картина получится довольно сложная.

Мы видели уже, что древнерусская литература до XVI века имела значительный общий слой произведений с литературой других православных стран. Общность религии была в данном случае даже важнее, чем общность литературного церковнославянского языка и близость национальных языков. Ибо общность эта охватывала и неславянские народы: румын и греков. Но было бы ошибочно считать, что эта общность была только в сфере церковной литературы. Общими, как уже сказано, были и такие светские памятники, как Александрия, Троянские сказания, Физиолог и пр. Русское влияние в южнославянских странах касалось исторической литературы и, как это установлено рядом исследователей, повлекло за собой создание сербских хронографов.

При этом, если сравнить древнерусскую литературу не с русской литературой XVIII века, а с другими литературами славянских и неславянских православных стран, то сразу заметен гораздо более светский характер древнерусской литературы. Ни одна страна восточноевропейской литературной общности XI—XVI веков не имела такой развитой исторической литературы, как Россия. Ни одна страна не имела и такой развитой публицистики.

Древнерусская литература хотя и носит в целом религиозный характер, выделяется, однако, среди других стран Южной и Восточной Европы обилием светских памятников.

Вместе с тем о религиозном характере древнерусской литературы можно говорить лишь в пределах до XVII века. В XVII веке именно светские жанры становятся ведущими. Светский характер носит так называемая «литература барокко» — произведения Симеона Полоцкого, Сильвестра Медведева, Кариона Истомина,

Андрея Белобоцкого и др. Развиваются и те светские элементы в литературе, которые были в ней представлены традиционно — историческая литература и литература путешествий. Появляется рыцарский роман и авантюрные повести.

Следовательно, светский характер русской литературы формировался постепенно, переход совершался в течение всего XVII века (а частично и раньше) и в течение первой половины XVIII века.

Поразительно, что связь литератур XVIII и XVII веков очень отчетливо ощущается, в частности, именно в антиклерикальных произведениях. Ясно связаны с антиклерикальной литературой XVII века песни «Чурилья игуменья», «Из монастыря Боголюбова», «У Спаса к обедне звонят». Запись запева одной из них, как это отметил П. Берков, встречается у Ломоносова («По загуменью игуменья идет, за собой мать черна быка ведет»). В середине XVIII века продолжает переписываться «Праздник кабацких ярыжек» с пародией на церковную службу. Традиции XVII века развивают антиклерикальные «фигурные жарты» XVIII века. С традициями XVII века связан и «Гимн бороде» Ломоносова, весь демократический театр XVIII века и многое другое.

СТРУКТУРНЫЕ ОТЛИЧИЯ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ОТ НОВОЙ

Итак, традиционно указываемые отличия древнерусской литературы от литературы XVIII века либо лишены оснований (промежуточное положение древнерусской литературы между Востоком и Западом, ее отъединенность и замкнутость), либо должны быть приняты с большими оговорками.

Между тем эти отличия явно ощущаются. В чем-то основном литература XVIII века становится менее церковной. Есть и известная доля истины в утверждении, что русская литература резко поворачивается в XVIII веке лицом к европейской литературе.

Дело в том, что произведения, влиявшие или переводившиеся на Руси в XI—XVII веках, по своему характеру соответствовали средневековому типу древнерусской литературы. Это особенно заметно стало в XVII веке. Переводилось не то, что являлось первоклассным, а то, что порой оказывалось второстепенным, что для своего времени было на Западе уже «вчерашним днем» литературы, но в той или иной степени соответствовало внутренней, в основе своей средневековой, структуре древнерусской литературы.

Характерно и обращение со всем этим переводным материалом: оно было таким же, как и обращение со своими литературными произведениями. Памятники переделывались переводчиками и последующими редакторами-переписчиками в духе традиций древнерусских переписчиков.

Из изложенного ясно, что основное — не в том, была ли обращена литература к Западу или не была, а во внутренних структурных особенностях литературы, налагавших свой отпечаток и на обращение с западноевропейской литературой.

Перед нами разные типы литератур и разные типы литературного развития. Переход от одного типа к другому совершался в течение длительного времени.

Древнерусская литература, если характеризовать ее, пользуясь «методом больших скобок», принадлежала по своей структуре к типу литератур средневековых (свойственных ранее и литературам Запада). Структура же литературы второй половины XVIII века и более поздней ничем уже не отличается от структуры литератур западноевропейских.

В самом деле, структура и развитие древнерусской литературы носят иной характер, чем структура и развитие литературы новой. Несмотря на то, что мы знаем много древнерусских писателей поименно, — особенно тех, которые писали в «высоких» жанрах, — творчество в Древней Руси имело менее личный характер, обладало некоторыми общими чертами с фольклорным творчеством. Так, например, хотя индивидуальные стили и имелись в древнерусской литературе (существование их нельзя отрицать, стиль Мономаха, стиль Грозного, стиль Максима Грека, стиль Епифания Премудрого имеют своеобразные, только им присущие черты), однако выражены они слабее, чем в новой русской литературе. Только во второй половине XVII века появляется индивидуальный стиль Аввакума. Гораздо рельефнее жанровые отличия в стилях. Авторы не стремятся к самовыражению в стиле, но следуют сложившейся в избранном ими жанре традиции. От этого и само развитие литературы идет медленнее. Нет стремления к обновлению стиля.

Отсутствие современных представлений об авторской собственности также отражалось на литературном развитии. Авторская принадлежность тех или иных произведений ценилась только тогда, когда автор обладал внелитературным авторитетом — церковным или светским. Вмешательство переписчиков в текст резко ограничивалось, когда произведение принадлежало отцу церкви, митрополиту, святому, князю, епископу, царю (например, Грозному). Правда, мы знаем и имена авторов-профессионалов. Из них первыми могут быть названы Епифаний Премудрый и Пахомий Серб, но тексты их произведений не берегли переписчики.

Как правило, может быть отмечено следующее обстоятельство. Если тема уже была знакома автору по более раннему произведению, последний создавал свое новое как переделку прежнего, иногда меняя стиль, иногда композицию, иногда идеи произведения, иногда дополняя прежнее произведение новой фактической стороной, иногда, напротив, его сокращая. В результате тексты произведений тесно переплетались между собой. Сходство сюжетов стимулировало заимствования выражений, описаний, целых пассажей. Описание одной битвы могло использоваться в другом произведении в описании другой битвы. Средневековый литературный этикет, повторяемость отдельных литературных формул создавали ту же «вязкость» литературного развития.

Своеобразная «сыпучесть» и «вязкость» в отличие от «предметности» новой русской литературы — вот что отличает структуру древнерусской литературы.

Вместе с тем может быть отмечена и большая «открытость» древнерусской литературы в отношении нелитературных жанров письменности. В отличие от жанров новой русской литературы жанры древнерусской литературы имели часто обрядовую и деловую предназначенность. Можно сказать даже больше: основное отличие одного жанра в древнерусской литературе от другого — в их употреблении, в их обрядовой, юридической или других функциях. Границы литературы не очерчены, хотя в определенных жанрах литературность и выражена достаточно сильно¹.

Мало способствовали устойчивости текста и рукописные приемы распространения произведений.

Итак, текст неустойчив и традиционен, жанры резко отграничены друг от друга, а произведения отграничены друг от друга слабо, сохраняя свою устойчивость только в некоторых случаях. Литературная судьба произведений разнородна: текст одних бережно сохраняется, других легко изменяется переписчиками. Существует иерархия жанров, как и иерархия писателей. Стили крайне многообразны, они различаются по жанрам, но индивидуальные стили выражены в целом неярко.

Все это составляет резкое структурное отличие древнерусской литературы от новой.

В связи с этим находятся и различия литературного процесса Древней Руси и нового времени.

В самом деле, если сопоставим такие памятники XI века, как «Начальная летопись», «Житие Бориса и Глеба», Слово «О законе и благодати» Илариона, с такими произведениями XVII века, как Синописис, «Житие» Аввакума, с сочинениями Симеона Полоцкого, то различие между ними в самом типе произведений будет настолько велико, что говорить о «застойном», малоподвижном характере русской литературы не придется. Однако и в XVII веке составляются в старом типе новые жития, читаются произведения, созданные во все предшествующие века, без какой бы то ни было «поправки на время». Это объясняется тем, что литература развивается, но развитие идет чрезвычайно неравномерно. Нет общего русла, в котором происходит развитие. Жанры настолько иногда обособлены, что они развиваются изолированно, без крепких связей друг с другом. Каждый жанр имеет свой стиль изложения (хронографический стиль, летописный стиль, агиографический стиль) и свои пути развития. Это резко отличает древнюю литературу от новой. В новой литературное направление захватывает все жанры и даже частично критику. Древняя литература не знает литературных направлений вплоть до XVII века. Первое лите-

¹ См. об этом: Д. Лихачев, К вопросу о зарождении литературных направлений в русской литературе, «Русская литература», 1958, № 2.

ратурное направление, сказавшееся в русской литературе, — барокко.

Характерно и другое. Древнерусская литература, особенно в своем начале, представлена отдельными очень разнохарактерными произведениями, стоящими по своему типу, по своему жанру более или менее обособленно. Своеобразное положение занимает не только «Слово о полку Игореве», хотя учеными и разысканы близкие ему произведения в жанре, соединяющем в себе народный плач и славу («Слово о погибели Русской земли», «Похвала роду рязанских князей» и пр.), но и такие произведения, как Слово «О законе и благодати» Илариона (историческая проповедь не представлена в Древней Руси другими аналогичными произведениями), «Поучение» Владимира Мономаха (особенно «выпадает» из контекста эпохи автобиографическая часть этого «Поучения» и письмо Олегу Святославичу), «Моление» Даниила Заточника (древняя литература не знает до XVII века других случаев проникновения в литературу скоморошья балагурства). Крайне своеобразен по своему литературному типу и Киево-печерский патерик. Думается, объяснить это явление только тем, что много других произведений XI—XIII веков погибло, нельзя. Каждое из литературных произведений XI—XIII веков своеобразно, «единично» и занимает обособленное положение. Это не значит, что они не связаны со своей эпохой. Напротив, их связи со своим временем чрезвычайно тесны и многообразны, особенно по содержанию и идеям, но в самом литературном развитии они все в той или иной степени занимают свое особенное, «непохожее» место. И это, конечно, объясняется в первую очередь тем, что общего развития, захватывающего своим движением всю литературу, в Древней Руси не было. Объясняется это и тем, что европейская культура, воспринятая Русью в X—XI веках, легла слишком тонким слоем на древнейшую народную культуру восточных славян.

Положение заметно меняется к XVII веку. В это время начинают выступать признаки «средней» и массовой литературы. Появляется массовый читатель. Появляется демократическая литература, в которой заметен уже общий «средний уровень». Собственно демократическая литература XVII века включает в себе признаки того единого уровня литературы с единообразным и ровным движением, которое характерно для литературы нового времени.

Чем отличается развитие новой русской литературы от развития древней? Прежде всего тем, что в новой есть, как я уже сказал, общее движение. Если бы можно было создать единицу измерения для определения скорости развития литературы (я уверен, что такую единицу измерения скоро изобретут, раз уже появляются работы об «ускоренном развитии литературы»¹), то измерить и вычислить (я думаю, даже без помощи вычислительных машин)

¹ См. интересную книгу: Г. Д. Гачев, Ускоренное развитие литературы, «Наука», М. 1964.

скорость движения новой русской литературы можно будет сравнительно легко. Измерить же скорость развития древнерусской литературы не удастся, так как развитие в ней идет в разных областях с разными скоростями, путем отдельных струй, а общего течения нет. Характерно, однако, что известная «монадность» в положении выдающихся произведений русской литературы сохраняется и в XIX веке. Одно из отличий русской литературы XIX века от литератур западноевропейских — слабость в ней «среднего уровня», малочисленность средней литературы, которая так характерна, например, для английской и французской литератур XIX века.

Если пользоваться распространенным противопоставлением понятий цивилизация и культура, то можно сказать так: в России всегда была сильная литературная культура при одновременной слабости литературной цивилизации. Это всегда делало русскую литературу необычайно гибкой и способной быть легко усваиваемой другими народами. На Западе же, помимо литературной культуры, была высокая литературная цивилизация, высокое искусство литературного ремесла, сильно развитая литературная техника и в связи с этим обилие «средней литературы», на мощном фоне которой вырастали и отдельные гениальные произведения.

* * *

Когда же произошла перестройка одной литературной структуры на другую? По существу эта перестройка происходила все время. Она началась с возникновения древнерусской литературы.

Окончательный переход от одной структуры к другой совершился в русской литературе позже, чем в западноевропейских, но раньше, чем в литературах южных славян (за исключением литературы Дубровника). Переворот был постепенным и длительным, линия перелома чрезвычайно неровной. Одни явления подготовлялись всем развитием древнерусской литературы, другие совершались в течение всего XVII века, третьи окончательно определились лишь со второй четверти или второй трети XVIII века.

Структура древнерусской литературы никогда не была устойчивой. Жанры нового типа возникали в недрах старой жанровой системы и сосуществовали с жанрами средневекового типа. Авторитет писателя был велик в одних случаях и слаб в других. Индивидуальный стиль писателей, как уже говорилось, сказывался по-разному у разных писателей. Одна из особенностей структуры древнерусской литературы состояла именно в том, что структура эта никогда не была цельной и устойчивой.

Я уже сказал, что в XVII веке намечается единство литературного развития в пределах пока еще только одной части литературы — в так называемой демократической литературе. Единое движение возникает также и в недрах «литературы барокко» — в той силлабической поэзии и в том театре, которые еще были слабы, но

уже представляли собой первое литературное направление и развивались как единое целое. Струи начинают сливаться в единое целое.

Петровская эпоха, с моей точки зрения, — это перерыв в движении литературы, остановка. Такие перерывы знала русская литература и раньше (вторая половина царствования Грозного). Петровское время, разумеется, дало для литературного развития новые очень сильные стимулы, и это ни в коем случае не следует забывать, но само развитие литературы ничем новым в Петровское время не проявилось. Это самая «нелитературная» эпоха за все время существования русской литературы. В это время не возникло значительных произведений литературы и не изменился ее характер. Так называемые «петровские повести» появились частично раньше, а чаще позднее и были связаны по преимуществу с традициями русской литературы XVII века. Наметившийся в них образ «нового человека» подготавливался всем развитием русской литературы XVII века и не изменил ее структуры. С традициями XVII века связаны произведения Стефана Яворского и Феофана Прокоповича. Театр Петровского времени не внес существенных перемен в характер репертуара. Татищев был в основном «последним летописцем» Древней Руси. Да и сам печатный станок в Петровскую эпоху не стал еще печатать произведений художественной литературы.

Со второй четверти или, вернее, со второй трети XVIII века вступает в силу новый тип литературного развития. Он поднимается и формируется с необычной быстротой. Здесь действовала совокупность причин: появление в литературе книгопечатания (до этого типографии служили административным, учебным и церковным целям), появление литературной периодики, развитие интеллигенции высшего, светского типа и многое другое.

Новое единое литературное развитие подхватывает то течение, которое развивалось на верхах литературы. Оно как бы продолжает развитие, начатое в поэзии барокко. Развитие же, начатое демократической литературой XVII века, сохраняет свою обособленность. Отдельные струи древней литературы (житийный жанр, летописание, проповедь и пр.) продолжают свое течение, но уходят с «дневной поверхности» литературы, хиреют, другие, как церковная проповедь, перестраиваются на католический манер, но тоже уходят с «дневной поверхности».

Наряду с большой литературой в XVIII и XIX веке еще продолжала существовать традиция древнерусской литературы — в старообрядческой, церковной и народной среде. И жития, и рыцарский роман, и рукописная традиция распространения литературы еще существовали в остаточных явлениях в XVIII и XIX веках. Тем не менее генеральная линия литературы приобрела единство структуры, жанры сложились в систему нового времени — ту же, что и на европейском Западе. Было ли это обращение к Западу? Да, в известной мере было. Но само это явление сложнее, чем

простое обращение, последнее стало возможным потому, что русская литература в силу не только внутренних литературных причин, но главным образом под влиянием общеисторических законов развития культуры, изменивших ее структуру, смогла участвовать в общеевропейском процессе развития литературы.

Неравномерный характер развития русской литературы в XI—XVII веках, отсутствие общего движения литературы, ускоренное развитие одних жанров и замедленное развитие других позволили осуществиться скачку XVIII века к новому строению литературы. Нестройность таила в себе огромные возможности движения вперед, не было инерции, которую нужно было бы преодолевать усилиями веков.

Остановка, которую представляла собой в развитии литературы Петровская эпоха, означала, что этот скачок готов был совершиться. Плуг перестал пахать землю, его удалось легко проволочить через большую полосу, оставив ее непаханной. Когда же он снова зарылся в землю, появились Ломоносов, Фонвизин, Радищев, Державин и, наконец, когда пахота стала ровной и глубокой,— Пушкин.

Признак равномерности литературного развития, его «нормальности» — появление исторического сознания, сознания, что литература развивается, что есть эпохи древние и новые. В самом деле, когда произведение живет несколько столетий и переделывается согласно требованиям эпохи бесчисленное количество раз, невозможно представить себе исторического отношения к этому произведению. Произведение существует, и этого достаточно для читателя. Лишь слабо осознается, что оно создано в иную историческую и литературную эпоху. Житие святого написано, оно читается, читатель ценит, что оно написано свидетелем жизни святого или тем или иным крупным церковным деятелем, но вместе с тем читателя не интересует в житии «колорит эпохи», «патина времени», нет сознания изменчивости литературных вкусов, изменчивости литературных стилей и литературного языка. Литература существует для читателя как единое вневременное целое, как некий склад произведений, как библиотека, в которой имеется только систематический каталог, отчасти каталог авторов, но нет каталога хронологического.

Когда в сознании читателя произведения и их авторы выстраиваются в хронологической последовательности, это означает, что появилось сознание исторической изменчивости литературы, а такое сознание свидетельствует, что процесс развития литературы начал совершаться единым фронтом.

Когда мы можем наблюдать появление этой литературной памяти, этого сознания изменчивости литературы? Оно появляется именно тогда же — во второй половине XVIII века. Его начинает собой грандиозная деятельность Новикова по собиранию и публикации древних памятников в издании, подчеркивающим это историческое сознание в самом его названии: «Древняя Российская

Вивлиофика». Но сознание исторической изменчивости стиля и языка появляется только в начале XIX века.

Пушкин был первым, кто ощутил в полной мере различие стилей литературы по эпохам, странам и писателям. Он был увлечен своим открытием и пробовал силы в различных стилях — разных эпох, народов и писателей¹. Это означало, что скачок закончился и началось нормальное развитие литературы, осознающей свое развитие. Появилось историко-литературное самосознание литературы. Литература вошла в единое русло развития и решительно изменила свою структуру.

Главный итог моих размышлений: необходимо изучать структуры литератур по периодам и типы литературных развитий. Между древнерусской литературой и новой существуют различия в структурах и в типах их развития.

г. Ленинград

¹ См. об этом: В. В. Виноградов, *Стиль Пушкина*, Гослитиздат, М. 1941, стр. 484 и др.
